

Наталья Л. Вершинина

Псковский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра литературы
180000, г. Псков
ул. Некрасова 24

Между «полезным» и «неполезным» чтением: М. И. Воскресенский на пути к *Евгению Онегину* А. С. Пушкина

В статье на материале стихотворного романа М. И. Воскресенского *Евгений Вельский* (1828–1832) прослеживается типология движения литературы «второго ряда» к освоению классической словесности – средствами пародии и подражания, с одной стороны, и лирической переработки материала – с другой. Развивается мысль о закономерности неоднозначной рецепции *Евгения Онегина* А. С. Пушкина в его «двойнике» – *Евгении Вельском* М. И. Воскресенского. Показано, что таким образом получает развитие концепция проф. Э. Малэк о «контрапунктном» движении литературы XVII–XVIII вв. «от пользы к забаве и утехе». «Разделение» писательских предпочтений на области «серьезной» и «развлекательной» словесности оказывается «затруднительным» в рамках процесса развития классики и беллетристики в их постоянном взаимодействии.

Ключевые слова: вымысел, классика, «неполезное чтение», «серьезная словесность», пародия, имитация, *Евгений Онегин* А. С. Пушкина, *Евгений Вельский* М. И. Воскресенского.

Between the ‘Useful’ and the ‘Unprofitable’ Reading: Mikhail Voskresensky and Pushkin’s *Eugene Onegin*

On the material of the novel in verse *Eugene Velsky* (1828 – 1832) by Mikhail Voskresensky the author of the paper traces the dynamics of how ‘second-rate’ literature assimilates the achievements of the classics – by means of parody and imitation on the one hand, and by lyrical processing of the material – on the other. The author puts forward the idea that the ambiguous reception of Pushkin’s *Eugene Onegin* in its ‘double,’ *Eugene Velsky*, is a regular phenomenon. In his transposition of *Onegin* Voskresensky applied techniques of writing typical of the ‘easy reading’ literature, but he could not reconcile them with the universal humanist reflection which he also included. Aware of the imperfection of his poetic experiments, Voskresensky sought to support his endeavours with the authority of the great poet himself, by referring to the human right to leave behind an ‘inconspicuous trail’, mentioned in *Onegin*. Thus, the case in hand corroborates Eliza Malek’s thesis about the

'counterpoint' character of the development of literature, 'from the beneficial to the amusement and fun.' The differentiation in writers' preferences between the fields of 'serious' and 'entertaining' literature proves 'difficult' within the framework of the dual process of the development of the classics and low-brow fiction in their constant interaction.

Key words: fiction, classics, 'unprofitable reading', 'serious literature', parody, imitation, *Eugene Onegin*, Pushkin, *Eugene Velsky*, Mikhail Voskresensky.

В монографии профессора Э. Малэк «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков, обозначившей заметный поворот к научному изучению произведений так называемого «развлекательного типа», отмечается немаловажная закономерность, ведущая к новому пониманию «переходных» явлений в дальнейшем развитии словесности. Ученый указывает на «контрапунктный» характер «движения литературы от пользы к забаве и утехе». Это значит, что попытка «разделять» не только читателей, но и писателей («на любителей и знатоков „полезной” и „неполезной” литературы») вызывает на практике «большие затруднения»¹.

Сказанное применимо и к проблеме освоения (прочтения, в отдельных случаях – с последующим воспроизведением) образчиков «серьезного» чтения в ближайших к ним по времени комических литературных аналогах. Параллельность бытования высокохудожественных явлений словесности и их пародийно-подражательных двойников получает особую значимость, выступая для последних в качестве содержательного и стилиобразующего фактора, отразившегося на характере беллетристической рецепции. Стихотворец-беллетрист, сознающий себя одновременно вблизи и в отдалении по отношению к произведению сравнительно «высшего» разряда (например, «роману в стихах» А. С. Пушкина), является читателю на стадии не претворившегося в идейно-художественную целостность процесса взаимодействия с образчиком, со всеми его противоречиями, соединяющими серьезное с комическим.

Показательно такой процесс просматривается при анализе отношений к *Евгению Онегину* малоизвестного беллетриста первой половины XIX века М. И. Воскресенского, автора стихотворного романа *Евгений Вельский*. Создается впечатление, что автор намеренно «отвечает» своим сочинением на выходящий по главам «роман в стихах» с целью быть если не равным ему, то «равновеликим» как в содержании, так и в употребляемых литературных средствах. Начиная с истории создания, роман Воскресенского обнаружил установку на *уподобление* тексту иерархически высшего порядка – на последовательно выстраиваемый ряд *соответствий* пушкинскому роману, среди прочих, заключающий в себе элементы пародии и подражания. Первая глава была опубликована в 1828 г., вторая и третья – в 1829; отрывки четвертой главы печатались в 1832 г. По этому поводу Ю. Н. Чумаков замечает:

¹ E. Małek, «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков, Warszawa – Łódź 1992, с. 88.

Судя по датам цензурных разрешений, роман писался после выхода первых трех глав «Онегина». Во всяком случае, три главы «Вельского» появились параллельно с выходом четвертой – пятой и шестой глав пушкинского романа².

Внимание читателей сознательно нацеливалось на то, что подчеркивало соположенность двух «параллельных» текстов, на ходы и приемы, выводящие наружу факт данного соответствия. Невозможно было, к примеру, не заметить приема, охарактеризованного в работе позднейших исследователей:

Предпосланный первой главе «Вельского» «Разговор автора с книгопродавцем» – это ответ на «Разговор книгопродавца с поэтом», открывавший отдельное издание первой главы «Евгения Онегина». Ситуация пушкинского «Разговора» у Воскресенского перевернута³.

О комической «перелицовке» личности пушкинского героя можно было судить по определенному, узнаваемому читателем подбору слов:

[...] Героя моего романа
Не познакомлю я с Москвой
И – кончу все одной главой⁴.

В романе Воскресенского читатель наблюдал за чередованием комически сниженных и эмоционально приподнятых, содержательно значимых «соответствий»: инициируемые автором *Вельского*, они оставляли сложное впечатление у публики, вызывая вопросы критиков. Современники видели в романе проявление тенденций, допускающих самые разные оценки и противоречащие друг другу толкования: от злонамеренного осмеяния пушкинского творения до благоговейного, но беспомощного подражательства, окрашенного лирической исповедальностью.

С точки зрения большинства писавших о *Вельском*, роман был близок жанру пародии (на практике, почти не реализовавшейся) на гениальное произведение Пушкина, что подтверждалось авторской репликой в *Разговоре Автора с Книгопродавцем*: «Я пародировать хочу...». Но извлекаемая из контекста, реплика не отражала внутренних колебаний и раздумий Воскресенского относительно двойственности собственной роли – пародиста и одновременно почитателя, «второстепенного» поэта с «негромким» голосом и представителя гуманистической эпохи, которого Пушкин, в числе прочих, благословлял на «полезный» труд. Имея в виду *Онегина*, Автор говорит Книгопродавцу:

Как ни суди о нем кто строго –
Хорошего в нем очень много:

² Ю. Н. Чумаков, «Евгений Онегин» и «Евгений Вельский», [в:] он же, *Стихотворная поэтика Пушкина*, Санкт-Петербург 1999, с. 84.

³ Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830, под общей редакцией Е. О. Ларионовой, Санкт-Петербург 2001, с. 511 (Примечания).

⁴ [М. И. Воскресенский], *Евгений Вельской. Роман в стихах*, Москва 1828, с. 44. (Глава первая).

Стихи прекрасны, слог живой,
И это-то то стихотворение
Я пародировать хочу...⁵

Можно предположить, что Воскресенский собирался разрешить обе задачи: совпадая с другими подражателями, он сосредоточил усилия на воспроизведении *формы* «свободного романа», при посредничестве жанра пародии утверждая себя как умелого литературного версификатора. Но при этом оставалась не решенной более важная для него проблема поэтического творчества в его глубоком художественном понимании. Малооригинальной уже в пушкинское время попыткой травестирования характерных черт *Онегина* Воскресенский не мог разрешить для себя этой задачи, которую также обозначил в программном *Разговоре*.... Сознавая безнадежность своего начинания, он создавал «параллельный текст», подтверждающий, что Пушкин несоизмеримо высок, а его роман для подражателей – недостижим. Отраженный *Вельским* драматизм позиции автора выразился в том, что, сознавая обделенность даром гениальности, он все же настойчиво брался за перо, дорожа возможностью высказаться, быть услышанным и понятым.

Если имитация «свободной» формы напоминала «винегрет»⁶, выглядела навязчиво, направляя острие насмешки с пушкинского романа на «полу-позов», подобных самому Воскресенскому и его герою Вельскому:

Но я о ней заговорился
И от материи отбился...⁷,
Но я отвлекся от Евгенья.
Прости меня, читатель мой!⁸
Но вот отвлекся я опять –
Любовь уж любит поболтать!⁹
Те, кто не любит отступлений,
Я чай и так меня бранят,
Я чай и так уж говорят:
Все это вздор, где ж твой Евгений?
Или – быть может ведь и то:
Его не хочет знать никто!¹⁰.

– то автопризнания их как лириков, узнаваемых под маской пародийности, отличались искренностью чувства и претендовали на то, чтобы быть «все-ръем» воспринятыми.

⁵ Там же, с. V. (*Разговор Автора с Книгопродавцем*).

⁶ Ив. Н. Розанов, *Ранние подражания «Евгению Онегину»* [в:] *Временник пушкинской комиссии* 2, Москва – Ленинград 1936, с. 216.

⁷ [М. И. Воскресенский], *Евгений Вельской*..., с. 11. (Глава первая).

⁸ Там же, с. 39.

⁹ Там же, с. 40.

¹⁰ [М. И. Воскресенский], *Евгений Вельской. Роман в стихах*, Москва 1829, с. 13. (Глава вторая).

Для Воскресенского высшим и незыблемом авторитетом в провозглашении гуманистических идеалов оставался автор *Онегина*, что скрепляло преемственность с романом Пушкина более крепкими узами, чем литературное мастерство. Именно к пушкинскому произведению он обратился «в часы свободы», намереваясь писать «поэму»:

Название то же ей: Евгений,
И я с успехом льщу себя,
Что мне в удел хоть не дан Гений
И хоть совсем не Пушкин я –
Но может быть... авось удастся
И мне понравиться кому?¹¹

В главе второй «серьезные» намерения «пародиста» обозначаются еще отчетливее:

Готов я даже в том сознаться
Что у меня таланта нет
И что я вовсе не поэт.

Зачем же пишешь ты? Мне скажет
Зоил угрюмый; он не прав.
Ему ответ мой перст укажет
На этой книжки эпиграф.
Имея средства чрезвычайны
Разгадывать чужие тайны
Волшебник-Пушкин написал,
То, что доселе я скрывал
В моей груди оледенелой...
«Живу, пишу не для похвал»
Он из души моей украл!
Конечно свету что за дело
Знать образ чувств моих; но я
Люблю быть искренним, друзья¹².

Нетрудно догадаться, что подразумевается эпиграф из второй главы *Онегина* – им открывалась вторая глава *Вельского*:

Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить,
Живу, пишу не для похвал,
Но я бы кажется желал
Печальный жребий мой прославить –
Чтоб обо мне как верный друг
Напомнил хоть единый звук¹³.

¹¹ Там же, с. IX. (*Разговор Автора с Книгопродавцем*)

¹² Там же, с. 42–43. (Глава вторая)

¹³ Там же, без с.

В новейшей критике отмечена непоследовательность позиции Воскресенского, которая не объяснима обычными логическими мотивациями, к примеру:

В качестве подражателя-пародиста он предпочитал оставаться безымянным, что не очень согласуется с причиной, побудившей его, согласно тексту «Вельского», взяться за перо: «Теперь, путь славы поллюбя, Я также быть хочу известным» (с. IV)¹⁴.

Однако данное противоречие скорее внешнее, чем внутреннее: не покидающее Воскресенского сомнение в ценности своего поэтического «голоса» при убежденности в праве «свободного» самовыражения для всякого вообще человека рождали постоянную смену патетики самоиронией, уверенности в правомерности избранного пути и глубочайшей рефлексии, которая заглушалась приемами «развлекательной» словесности. Разрешение «загадок»¹⁵, заданных автором *Вельского* публике, не всегда было доступно даже ему самому.

Постоянно пребывая в «промежутке» между «полезным» и «неполезным» чтением, Воскресенский изначально заявлял о важности поставленных им задач:

в первый раз еще пишу –
И труд не вовсе бесполезный¹⁶.

Это не помешало ему в третьей главе усилить приемы «занимательной» интриги, словно бы компенсируя их недостаточность в *Онегине*: из пушкинского романа он извлекал, в первую очередь», тенденцию к «заговариванию» читателя при явно «ослабленном» сюжете – внесение фабульного элемента стало свидетельством движения к «легкому чтению», уже не связанному непосредственно с первоисточником и даже корректирующему его. Появление традиционного «треугольника»: Вельский, Граф, Графиня, эпизодов с маскарадным переодеванием, «подглядыванием», комическими недоразумениями, намек на возможную неверность Графини и обнаружение обманчивости этого намека и т. п. – были приметам массовой беллетристической продукции, к которой автор и не стремился предъявлять критерии, действенные в сфере «серьезной» литературы, по-прежнему актуальной и значимой для него. Примечательно, что Пушкин впоследствии обратится к сюжетам того же свойства в шуточных поэмах – *Графе Нулине* и *Домике в Коломне*, словно бы развивая беллетристические опыты Воскресенского, осуществленные на фоне *Евгения Онегина* (факт подобных «продолжений», подкрепленный наблюдениями Е. Я. Курганова, приводит Э. Малэк, выдвигая проблему его типологичности¹⁷).

¹⁴ Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830..., с. 509.

¹⁵ [М. И. Воскресенский], *Евгений Вельской. Роман в стихах...*, с. VIII. (Разговор Автора с Книгопродавцем).

¹⁶ Там же, с. IV.

¹⁷ Е. Małek, «Неполезное чтение» в России..., с. 31.

Там, где Воскресенский «подражал» не буквально понятой свободе выражения, перенимаемой у Пушкина, а внутренней авторской свободе, которая совпадала с органичным для него самого «образом чувств», он способен был достичь результатов, едва ли не достойных образчика, – по отзывам современников и даже создателя *Онегина*. В ответ на отзыв Ф. В. Булгарина о VII главе романа, где сравнение с *Вельским* носило для автора унижительный характер, Пушкин заметил:

Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят «Евг<ения> Оне<гина>» ниже «Евг<ения> Вельского»¹⁸.

Критика с долей недоумения видела в *Вельском* признаки поэтической оригинальности, выраженной в отдельных образах, естественной интонации рассказа, остроумной манере письма. В рецензии на первые три главы романа критик «Северного Меркурия» писал, например:

Мы [...] считаем несправедливостью умолчать о том, что в сочинителе «Вельского» находим иногда приятную остроту ума, иногда мысли, и замечаем в них довольно хорошую способность к авторскому ремеслу. Его стихи часто показывают ту непринужденную легкость, с какою они писаны¹⁹.

В доказательство приводился фрагмент «параллельного» пушкинскому тексту, посвященный «луне», где пародия выявляла аутентичное прочтение первоисточника, чуткость к культурным пластам, представленным в *Онегине* и художественно освоенным Пушкиным:

Ты пребогатое сравненье
Для всех унылых героинь,
Затейливое украшенье
Лугов, лесов, долин, пустынь;
А сколько видов ей: кровава,
Томна, печальна, величава,
Скромна, задумчива, бледна,
Подчас *глупа*, подчас красна,
Порой отрада в грустной доле,
Ну словом: бедную луну,
Хотя все ту же и одну,
Мы все коверкаем по воле,
И каждый автор, как портной,
Дает ей цвет свой и покрой²⁰.

¹⁸ А. С. Пушкин, <Проект предисловия к XIII и IX главам «Евгения Онегина»>, [в:] он же, *Полное собрание сочинений в шестнадцати томах*, т. 6, Москва – Ленинград 1937, с. 540.

¹⁹ Пушкин в прижизненной критике. 1828 – 1830..., с. 274.

²⁰ Там же, с. 275.

У критика «Северного Меркурия» были основания заключить: «Автор *Вельского* предполагал написать пародию на *Онегина*; но, приступив к делу, сбился со своего плана и не достиг цели»²¹.

Сходным образом О. М. Сомов писал о романе Воскресенского и подобных ему сочинениях в *Обзоре российской словесности за 1828 год*. В «сбивчивости плана» критик не усмотрел ничего, кроме проявления бездарности: «Назвав их подражаниями, не выразишь настоящего качества этих песнопений [...]». Примечательно, что Сомов констатировал отсутствие «чистых пародий»: авторы просто «следят за Пушкиным», «показывая чужое своим»²².

Таким образом, создавая «по наружности» «двойника “Онегина”»²³, автор *Вельского* прокладывал свой путь «в Парнассу»²⁴. Подражание форме, признаваемое наиболее верным способом приобщения к классике, произвело многократные «отступления» от сюжета, имитацию склонности к «болтовне», сниженную «перелицовку» героя и т. д. Данный способ, однако, привел автора к неопределенному в художественном отношении результату: внутренняя близость к объекту подражания помешала ему написать «чистую пародию», а ориентация на осмеяние формальных признаков снизила роль лирической интенции, умалив поэтические достоинства написанного. Это обстоятельство, в итоге, не позволило внести *Евгения Вельского* в круг «серьезной», а не «развлекательной» словесности, закрепив за ним статус эпизода из литературного быта, представляющего историко-литературный интерес.

Изучение феномена «рядовых» произведений XIX века, содержащих в себе симбиоз «приятного с полезным», далеко не исчерпало заложенных в нем возможностей. Недостаточно разработан вопрос соотношения литературы «второго ряда» с ориентирами, представленными в классических образчиках: подражатель мог, к примеру, зафиксировать в них отражение данного симбиоза в виде пушкинского «собрания» «полу-смешных, полу-печальных» «глав»²⁵. Характерно замечание новейших комментаторов романа Воскресенского: «Вопрос о том, зачем был написан *Евгений Вельский*, был загадкой и для современников и для позднейших исследователей»²⁶.

²¹ Там же, с. 274.

²² Там же, с. 110.

²³ Там же, с. 274.

²⁴ [М. И. Воскресенский], *Евгений Вельской, Роман в стихах...*, с. III. (Разговор Автора с Книгопродавцем). Там же, с. IV.

²⁵ А. С. Пушкин, «*Евгений Онегин*», [в:] он же, *Полное собрание сочинений в шестнадцати томах*, т. VI, с. 3.

²⁶ *Пушкин в прижизненной критике, 1828 – 1830...*, с. 509 (Примечания).